ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 9, 1899 г.

На берегу Іоническаго моря (продолженіе). **З. Гиппіусъ.**

Художественная хроника: Идея сверхчеловѣка. **Владиміра Соловьева.** По поводу одного спектакля. **Лароша.** Форэнъ, Стейнленъ и Валлотонъ. **Александра Бенуа.** По поводу выставокъ. **Сергѣя Дягилева.** Рихардъ Мутеръ и Жанъ Броше. **Ф.** Свѣдѣнія. Замѣтки. Объявленія.

Иллюстраціи: **Т. Стейнленъ.** Рисунки. На окраинѣ Парижа. Зимой. Bal publique. **Ф. Валлотонъ.** Портретъ Достоевскаго. Манифестація. Лебеди. Казнь. Убійство. **Л. Бакстъ.** Рисунокъ. **Ф. Малявинъ.** Рисунокъ. **І. Бразъ.** Рисунокъ. **Л. Бакстъ.** Рисунокъ. **Церковь въ селѣ Абрамцевѣ. Иконостасъ въ Абрамцевской церкви. Изразцовая печь въ Абрамцевской церкви. Деталь Абрамцевской церкви.—В. Васнецовъ.** Рисунокъ часовни. **Клиросъ Абрамцевской церкви.—В. Васнецовъ.** Проэктъ Абрамцевской церкви. **Вакхъ и его геній** Античная бронза. **Химера.** Античная бронза. **Античный театръ въ Таорминѣ. Часовня въ Таорминѣ. Окно эпохи возрожденія въ Таорминѣ.**

Приложенія: **А. Галленъ.** Декоративный проэктъ. (Фототипія). **Л. Бакстъ.** Портретъ И. Левитана. (Оригинальная литографія). **І. Бразъ.** Пейзажъ. (Оригинальная литографія).

Обложка работы **К. Коровина.**

Фототипія исполнена у **Альберта Фриша** въ Берлинѣ. Литографіи у **И. Кадушина** въ СПБургѣ. Автотипіи у **Мейзенбаха** и **Риффарта** въ Берлинѣ и у **Гоппе** въ СПБургѣ.

Изданіе *Княгини М. К. Тенишевой*
и *С. И. Мамонтова.*
Редакторъ *С. П. Дягилевъ.*

О времени и мѣстѣ полученія

ОФОРТА РАБОТЫ В. СѢРОВА

будетъ объявлено въ 10-мъ нумерѣ журнала.

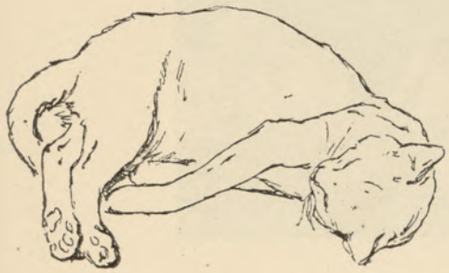
Подписка на означенный офортъ прекращена.

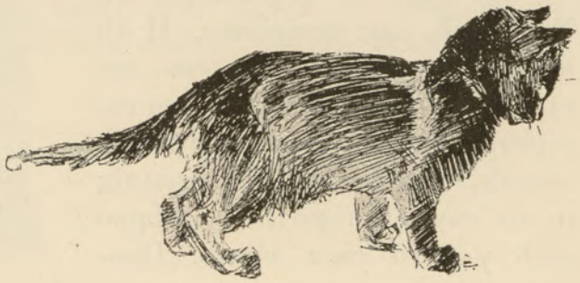
На берегу Іоническаго моря.

III.

Прошло нѣсколько дней. Вѣтеръ давно утихъ и настала яркая и теплая погода. Мы отнеслись къ ней, какъ къ должному, еще не зная, что это рѣдкость въ сицилійскомъ февралѣ, но дней не теряли и каждый день дѣлали какую-нибудь большую прогулку. Ходили наверхъ, по горнымъ тропинкамъ, или внизъ, къ морю, на мысъ St. André, на самый прекрасный изъ всѣхъ мысовъ. Если стоять въ Таорминѣ лицомъ къ морю, Этна будетъ направо, и нельзя понять сразу, далеко она или близко. Первый разъ мы ее увидали утромъ, часовъ въ десять — и случайно. Облака до тѣхъ поръ плотно закрывали ее до подножья, и нельзя было себѣ представить, что тамъ гора. Но въ это утро, ясное и розовое, облака разорвались, ушли далеко, или растаяли. Мы вышли въ крошечный садикъ отеля, отдѣленный отъ обрыва каменнымъ парапетомъ. Море, далеко внизу, голубѣло, какъ небо. А направо, тянулась отъ моря — далеко назадъ, за горизонтъ, — широкая и спокойная Этна. Она поднималась такъ медленно, линія была такая отлогая, что въ первую минуту гора не показалась даже высокой; и только со второго взгляда стало понятно, какая она громадная, строгая и властная. Вся бѣлая, почти до линіи видной изъ Таормины, но не снѣжная, а льдистая; льды, какъ стекло, отражали солнце. На самой вершинѣ плотно, точно небольшой кусокъ ваты, лежалъ неподвижный, бѣловато-розовый дымъ; на правомъ откосѣ было неосвѣщенное пятно — это тѣнь отъ послѣдняго, проходящаго низко, тучнаго, матоваго облака.

. Стейнленъ.
исунки.





— Вотъ она какая, Этна! — подумали мы съ невольнымъ уваженіемъ. И, вѣчно-бурлящій безъ особеннаго толку, маленькій, черный, двугорбый Везувій со своей условной живописностью показался намъ въ воспоминаніи жалкимъ и дѣтскимъ.

Но Этна не любитъ долго быть на виду... Къ полудню, хотя погода не испортилась, она завернулась въ свои бѣлыя одежды и показалась только на закатѣ. На закатѣ она была другая. Облака сходили съ нея слоями, и за самымъ тонкимъ слоемъ она была неясная, вся аметистовая и нѣжная, какъ сквозь тончайшую ткань, пронизанную отлогими лучами. Потомъ золотые края стали огненными — а потомъ все сразу потухло, небо затмилось, вышли на него странныя, непривычныя звѣзды съ изломанной большой Медвѣдицей у края неба и высокій, непонятно-высокій мѣсяцъ, совсѣмъ лежачій, съ рогами вверхъ...

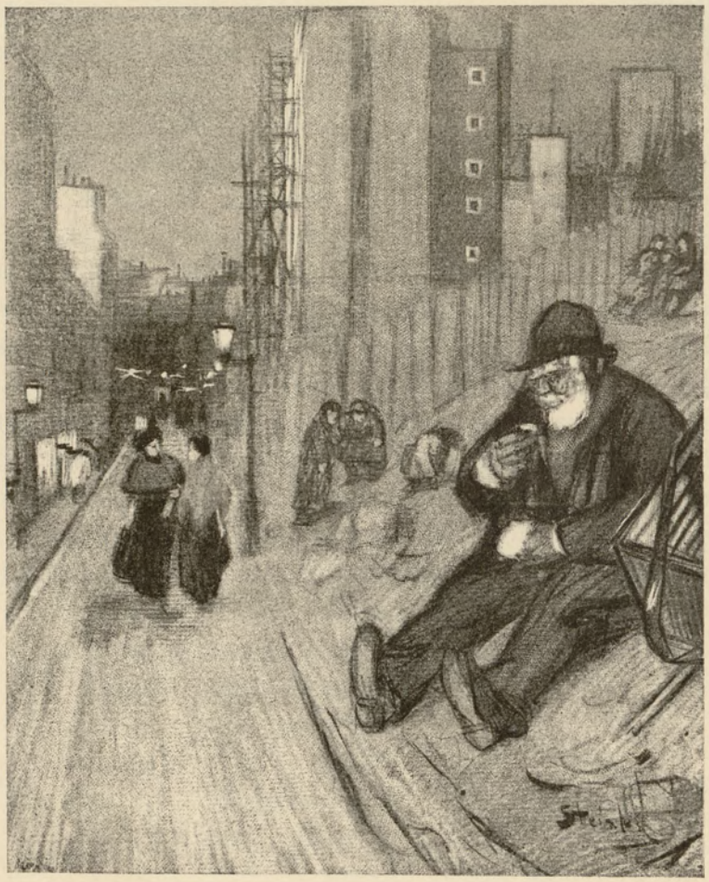
— Еще земля тутъ немного похожа на землю, ворчалъ нашъ недовольный пріятель, — а небо рѣшительно ни на что не похоже!

Послѣдніе дни онъ каждое утро аккуратно объявлялъ, что уѣзжаетъ, и просилъ насъ поговорить съ хозяиномъ, съ которымъ не умѣлъ объясняться. Только обильный таблдотъ пришелся ему по вкусу, да еще понравились тяжелые темные пряники въ мѣстечкѣ Молѣ, сдѣланные въ видѣ монаховъ, изъ какого-то тѣста на винѣ.

Въ Таорминѣ, дѣйствительно, въ ея природѣ и въ самомъ городѣ, несмотря на яркость, несмотря на Этну и море, чувствовалась порою безконечная грусть. Дыханье моря не долетало наверхъ и море часто казалось мертвой, шелковой скатертью, безъ колебаній. Кактусы неподвижно протягивали къ солнцу толстыя лапы.

Зубцы скалъ за Таорминой — Мола, Кастелло, монте-Царетто — всѣ они казались устроенными для красоты вида, для удовлетворенія англичанъ и нѣмцевъ. И обидно за Этну, что она, такая какъ она, все-таки показывается изрѣдка туристамъ и сухимъ англичанамъ съ мольбертами. Ей слѣдовало бы теперь оградиться непроницаемой стѣной облаковъ и не смотрѣть самой, и не показываться праздно и вяло — любопытной толпѣ случайно забредшихъ людей.

Но было и неугаданное въ Таорминѣ, еще непонятое. И въ природѣ — потому что это настоящая природа, умѣетъ она говорить, только языка мы ея не знаемъ, голоса ея не слышимъ; и въ самомъ городѣ — навѣрно есть у него своя жизнь. Про-



Т. Стейнленъ. На окраинѣ Парижа. (Рис.).

Т. Стейнленъ. Зимой. (Рис.).

ходя по узкой главной улицѣ или взбираясь по крутымъ, кривымъ и невѣроятно-грязнымъ переулкамъ, глядя на таорминцевъ, провожающихъ насъ недовѣрчиво-недружелюбными или насмѣшливыми взорами, мы невольно чувствовали себя совсѣмъ на поверхности, что мы не вошли въ жизнь этого города и когда уѣдемъ, то будетъ такъ, точно мы сюда никогда и не пріѣзжали.

Пусть и здѣсь, какъ вездѣ, сплетни, вражда и пошлость, — но мы не знаемъ, а самое обидное и неинтересное — быть на поверхности, не понимать жизни города и не умѣть настоящаго сравнить съ прошлымъ.

Вотъ бѣжитъ по солнечнымъ камнямъ улицы маленькая дѣвочка, такая маленькая, что за нее страшно. Дѣвочка хорошенькая, съ легкими бѣлокурыми завитками, съ короткими толстыми ручками, которыми она препотѣшно размахиваетъ. Дѣвочка упорна и самостоятельна. Но молодая женщина, съ грубоватымъ лицомъ, съ высокимъ начесомъ изъ очень черныхъ волосъ, встала съ соломеннаго стула у макаронной лавки, гдѣ она вязала чулокъ, и пронзительно кричитъ дѣвочкѣ:

— Làura! Làura! Véne kà! Véne kà, figguia!

Дѣвочка оборачивается и смѣется. Эти изломанныя фразы въ переводѣ съ сицилійскаго на итальянскій языкъ должны означать: „vieni qua, figlia!“ Но то, что говоритъ женщина послѣ, для насъ уже непонятно; мы не знаемъ, довольна она или нѣтъ, чего она хочетъ, какъ живетъ, и мужъ-ли ея высокій черный сапожникъ изъ сосѣдней лавки, который ей что-то закричалъ. Двѣ дѣвушки, похожія, но одна пожилая, другая молодая, прошли, смѣясь. Онѣ одѣты почти какъ барышни — но дурно, и безъ шляпъ. Прошла цѣлая компанія нѣмцевъ, но у нихъ не видъ путешественниковъ; молодая барышня, некрасивая, одѣта въ бѣломъ. Въ хорошенькой плетенкѣ, запряженной пони, проѣхала блѣдная дама, закутанная въ сѣрый вуаль такъ плотно, что нельзя было разсмотрѣть чертъ лица. Случайные, двухдневные туристы видны сразу; они не соединены съ таорминской жизнью, они на поверхности, даже не подозрѣвая этого, они растеряны, заглядываются на дрянь въ магазинахъ и спѣшатъ въ греческій театръ, въ которомъ и остаются.

Пожалуй, и они соединены съ жизнью Таормины, они даютъ ей свое, но надо смотрѣть изнутри, не ихъ глазами, чтобы понять, что именно они ей даютъ.

IV.

Какъ-то снизу, съ моря, глядя на Таормину, мы замѣтили, что на монастырской стѣнѣ, влѣво (мы еще не заходили въ этотъ монастырь) нарождаются гигантскія новыя буквы: SDom... Онѣ были ужасно черны и рѣзали глаза на сѣрой стѣнѣ.

— Неужели на монастырь налѣпляютъ вывѣску, чтобы туристы не забыли его осмотрѣть? — замѣтилъ нашъ пріятель. — Нарочно не пойду глядѣть на эту достопримѣчательность!

Т. Стейнленъ. Bal publique. (Рис.).

Но дѣло скоро разъяснилось. Средневѣковый монастырь торопливо превращали въ отель; кельи отдѣлывались сообразно вкусу богатыхъ американцевъ. Осталось, впрочемъ, имя: отель-Санъ-Доменико. Отель принадлежитъ принцу А., сициліанцу — мнѣ потомъ пришлось видѣть его въ таорминскомъ опереточномъ театрѣ.

Узнавъ, что это не достопримѣчательность, а отель, пріятель нашъ непремѣнно захотѣлъ посѣтить его. Онъ же былъ, кстати, недоволенъ помѣщеніемъ.

Мы вошли во дворъ, черезъ старыя ворота. Дворъ былъ скромный, сѣрый, съ аркадами по стѣнамъ, какъ всѣ монастырскіе дворы. Только налѣво была блестящая стеклянная дверь съ золотой надписью „Bureau". Осмотрѣвшись, мы увидали, что по всѣмъ стѣнамъ висятъ то карты, то объявленія, то афиши, то правила, то списокъ живущихъ. Изъ бюро вышелъ господинъ съ толстой часовой цѣпочкой. Онъ очень дурно, но щеголяя, спросилъ насъ по-французски, что намъ угодно. Узнавъ, что мы хотѣли осмотрѣть отель, онъ какъ будто почувствовалъ гордость и радость, но тотчасъ-же скрылъ ихъ и только сказалъ:

— Прошу васъ, пожалуйста. Это первоклассный отель. Мы можемъ осмотрѣть салоны и столовую, а также комнаты, которыя не заняты. Потому что хотя отель еще не готовъ, и далеко не готовъ — онъ уже полонъ. Въ неотдѣланныя комнаты пріѣзжаютъ.

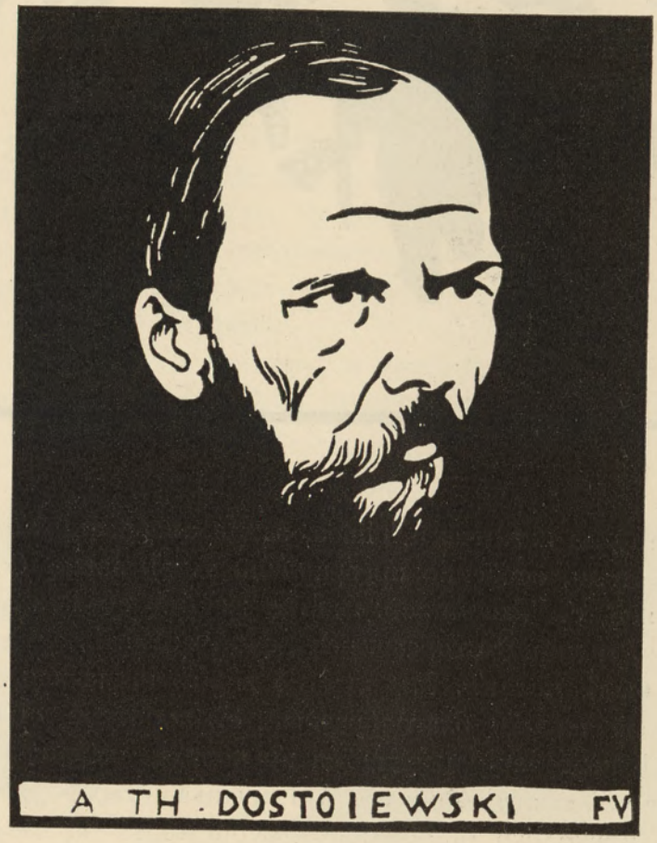
По сумеречнымъ монастырскимъ корридорамъ, привычнымъ къ степенной поступи

святыхъ отцовъ, по неосвѣщеннымъ еще большимъ и маленькимъ салонамъ, убраннымъ съ кричащей американской роскошью, по каменнымъ узкимъ лѣстницамъ, — ходили мы за нашимъ провожатымъ.

Для осмотра второго этажа онъ передалъ насъ какому-то совсѣмъ грубому сициліанцу. Садъ только-что устраивали, надъ обрывомъ еще не было террасы. Глубокія, тихія кельи, съ маленькими оконцами вверху, были заставлены, завалены мебелью. На небольшомъ, сравнительно, пространствѣ стояли двѣ гигантскія кровати. Мѣстомъ дорожили. Во второмъ этажѣ кельи были крошечныя, низенькія и душныя; тамъ стояло по одной кровати, но такъ какъ эти кровати, вѣрно, не походили на скромныя, узкія ложа монаховъ, то больше въ лейку почти ничего и не вошло. Мы спросили цѣну пансіона — и отступили въ ужасѣ: наверху — четырнадцать франковъ въ день, внизу — надцать франковъ вдвое. Провожатый пожалъ плечами и улыбнулся:

— Вотъ, шесть комнатъ сейчасъ заказаны по телеграфу. Это первоклассный отель. Кухня образцовая.

Изъ сада чинный сѣрый домъ съ рядами маленькихъ, не частыхъ, сводчатыхъ оконъ, казался не то натоскорбленнымъ, хмуреннымъ, не то оскорбленнымъ и опечаленнымъ. Что съ нимъ дѣлаютъ? Зазвенѣли электрическіе звонки, затопали гарсоны, подъ кормидорными свода англичанки щецы... бечутъ, какъ пти въ церковь. Ее еще Насъ провели но темнѣло, внутронули. Силуразсмотрѣть было тренность храма словно поднималдно. Мракъ ся изъ угловъ и застилалъ стѣны. Помню сакристію, мѣста для монаховъ изъ темно-коричневаго, кое-гдѣ источеннаго, дерева, тонкую и рѣдкую рѣзьбу... большія книги съ мерцающими золотомъ заглавными рисунками... Исповѣдальня, тоже изъ дерева... Сѣроватый свѣтъ лился въ узкія окна и гаснулъ каждое мгновеніе.



Ф. Валлотонъ. Портретъ Достоевскаго. (Рис.).

Провожатый сказалъ намъ, что теперь здѣсь по воскресеньямъ будутъ совершать молитвы англиканской церкви, для пансіонеровъ отеля, — „English church“. Но онъ, вѣроятно, ошибся или мы его не такъ поняли. Это было-бы что-то воистину невозможное.

Спутникъ нашъ бѣжалъ прочь отъ новаго отеля.

— Чтожъ, хотите переѣхать?

— богъ знаетъ, что вы говорите! Какой ужасъ! И развѣ тамъ будетъ жить говорящій не по-англійски? Нѣтъ, это... для нихъ, для англичанъ... Что я! Даже не для

Ф. Валлотонъ. Манифестація. (Рис.).

англичанъ, потому что для англичанъ Timeo, а для американцевъ, которые любятъ комфортабельно-дорогіе отели, особенно превращенные изъ давно безполезныхъ монастырей. Нѣтъ, богъ съ ней, съ Таорминой. Завтра же ѣду въ Россію.

Мы не возражали, и мирно отправились домой обѣдать.

Длинный столъ былъ полонъ. Мы уже ко всѣмъ привыкли, всѣхъ знали по виду. На лѣвомъ концѣ стола сидитъ благообразный, съ короткой сѣдой бородкой, англійскій священникъ. Онъ нездоровъ и кутается въ черную пелерину. Рядомъ съ нимъ — его жена, старушка съ дѣтскимъ лицомъ. Англичанка, старая дѣвица, съ добрымъ, но кривымъ ртомъ, еще нѣсколько безобидныхъ туристовъ... И вдали, на другомъ концѣ стола, толстый норвежецъ со странными манерами. Онъ подскакивалъ, хихикалъ, разговаривалъ самъ съ собою или съ хозяиномъ, который предупредительно служилъ за столомъ самъ. Англичане на него подозрительно косились.

Во время четвертаго или пятаго блюда пришли музыканты. Обычные музыканты съ мандолинами и скрипками, съ надоѣвшей Маргаритой и всѣмъ собраніемъ неаполитанскихъ пѣсенъ. Впрочемъ, когда они споютъ эти пѣсни и затѣмъ, сильно детонируя (ихъ въ Таорминѣ только шесть или семь, всѣ они самоучки, играютъ по слуху) проиграютъ попурри изъ многихъ оперъ, они принимаются за сициліанскую музыку, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Она совсѣмъ не похожа на мелодіи южной Италіи. Въ ней однообразіе и тягучесть пѣсенъ сѣвера, сѣрая, несказанная, необъяснимая грусть, тоска, почти скука... Та-же (это мы узнали потомъ) какъ въ сициліанской тарантеллѣ, въ этомъ монотонномъ танцѣ, полномъ печали, болѣзненной страстности порою — и вѣчнаго однообразія.

Встали изъ-за стола, но не расходились, потому что музыканты еще продолжали. Они теперь перешли на куплеты. Старшій, уже пожилой итальянецъ стоялъ въ кругу, подпѣвалъ и подплясывалъ, кривляясь. Это было скучно и противно. Норвежецъ грузно прохаживался по комнатѣ, продолжая улыбаться и даже хихикать. Неожиданно онъ подошелъ къ доброй криворотой англичанкѣ и сталъ ей объяснять по-итальянски, что онъ знаетъ четырнадцать языковъ и что вотъ только англійскаго не знаетъ, что онъ профессоръ, что Норвегія теперь самая важная и даже самая модная страна, и что будущее ея еще болѣе блестяще, чѣмъ настоящее.

Испуганная до слезъ англичанка ускользнула. И толстый норвежецъ опять уже ходилъ по комнатѣ, посмѣиваясь про себя.

V.

Мы перемѣнили квартиру. И волей-неволей нашъ безпокойный пріятель примирился съ Таорминой еще на цѣлый мѣсяцъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Мы шли вечеромъ снизу, съ моря, по шоссе. Солнце было еще высоко, Этна лиловѣла кусками, между высокими, рвущимися тучами. было не холодно и не жарко,— то особенное итальянское тепло, когда не замѣчаешь воздуха, потому что онъ въ согласномъ отношеніи съ теплотою крови.

Мы миновали и поворотъ въ Мессину, и маленькую розовую виллу, полную левкоями, потомъ некрасивый и широкій, на открытомъ мѣстѣ, домъ какой-то загадочной

Ф. Валлотонъ. Лебеди. (Рис.).

Ф. Валлотонъ.
Казнь.
(Рис.).

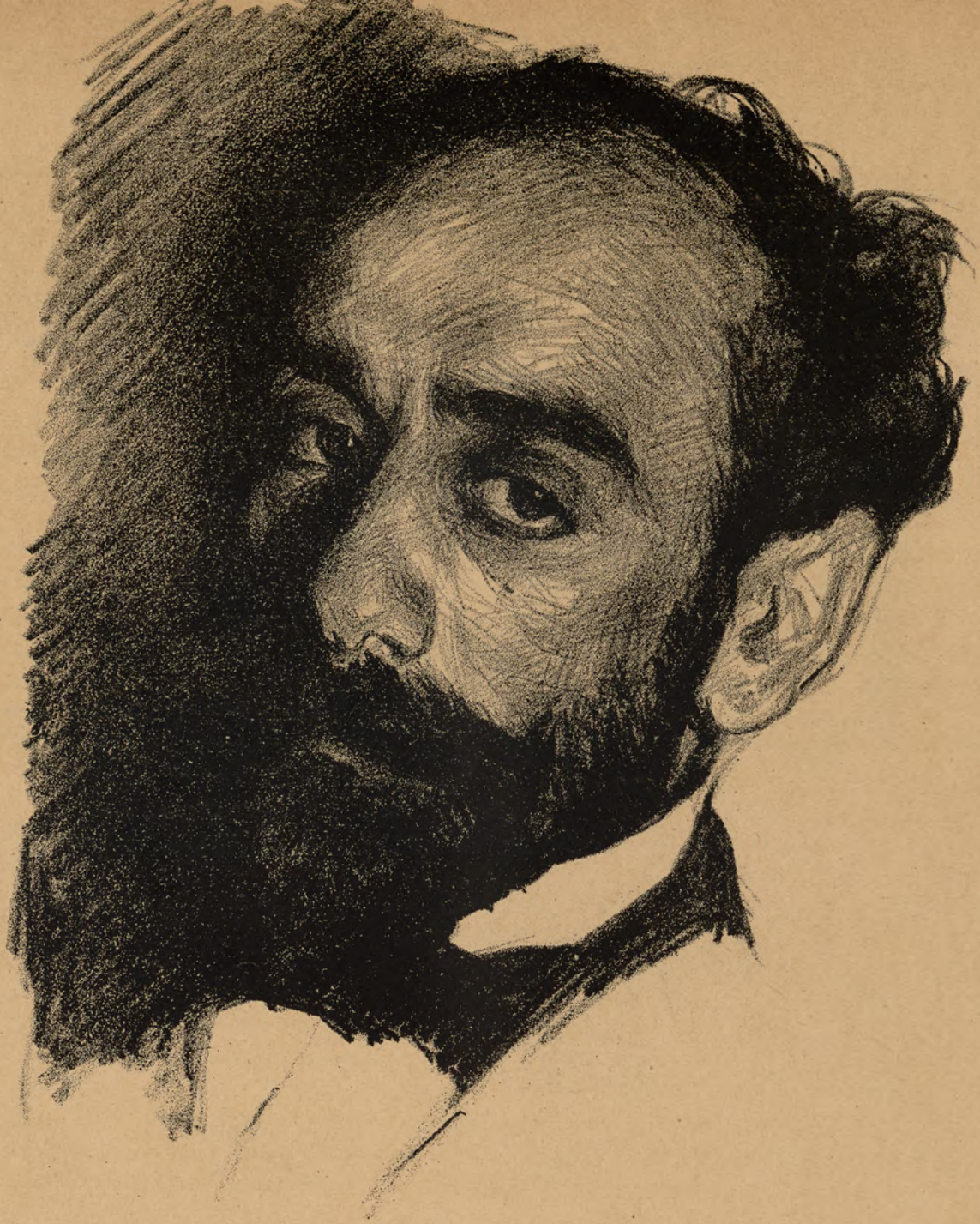
иностранки, которая ѣздитъ въ плетенкѣ, закутанная сѣрымъ вуалемъ,—и наконецъ пришли къ хорошенькой виллѣ на самой скалѣ, въ полукилометрѣ отъ города, гдѣ мы еще раньше замѣтили отдающееся помѣщеніе. Вилла, видимо, выросла недавно — и заслонила собою море отъ стоящаго немного выше отеля Castello a mare. Вся она была чистенькая, свѣженькая, молоденькая и благоуханная, какъ тринадцатилѣтняя сициліанка.

— Посмотримъ квартиру... Вѣдь это ничему не мѣшаетъ?.. предложили мы нашему спутнику.

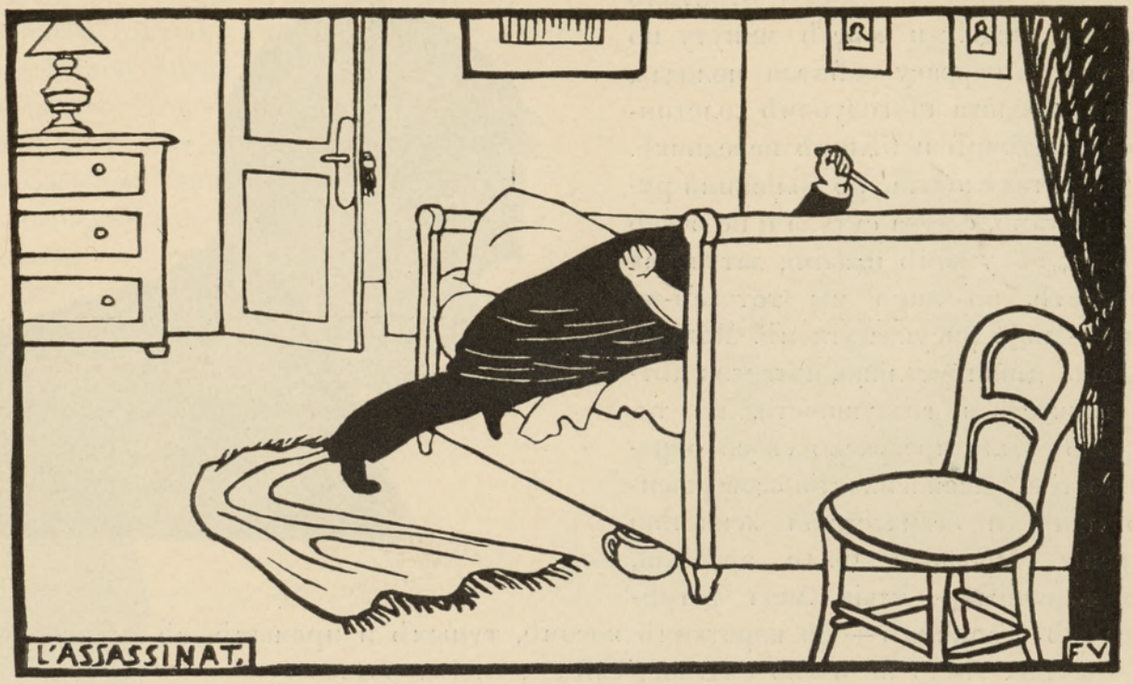
Новенькая рѣшетка весело скрипнула.

Вилла была четырехъэтажная (въ первомъ этажѣ, впрочемъ, были кладовыя), но такъ какъ она вся стояла въ скалѣ, то въ третій этажъ не было лѣстницы, онъ со стороны шоссе лежалъ на землѣ, а въ нижніе этажи, на террасу, вела широкая бѣлая лѣстница. Второй этажъ отдавался.

Почти музыкальное соотвѣтствіе красокъ, которыми были выкрашены стѣны, гравюры или фотографіи лучшихъ картинъ Дюрера, бёклина, нѣсколько мастерскихъ, хотя неоконченныхъ, этюдовъ — тотчасъ-же заставили насъ догадаться, что хозяинъ — художникъ. Онъ былъ здѣсь самъ, не молодой, небольшого роста, подвижной и болтливый. Онъ венгерецъ, но учился въ Германіи, живетъ въ Сициліи уже больше десяти лѣтъ, ибо страдаетъ астмой. Его домъ — его любимѣйшее дитя; онъ сдѣлалъ все самъ, чутъ не своими руками, даже безъ архитектора. Мы обратили вниманіе на рисунокъ углемъ, въ одной изъ комнатъ внизу. Дѣвочка, лѣтъ 12—13, одѣтая просто, съ пучкомъ цвѣтовъ въ опущенныхъ рукахъ, гладко причесанная. У нея склоненный, печальный профиль — той воздушной, нездѣшней красоты, которую отмѣтили англійскіе прерафаэлиты. Короткій носъ, довольно большой, правильный ротъ съ темными губами, и длинные, не то грустные, не то безсмысленные глаза.



Портрет И. Левитана
сл. Бакеш



Ф. Валлотонъ. Убійство. (Рис.).

— Кто это дѣлалъ? невольно спросилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.

— Я дѣлалъ, словоохотливо пояснилъ нашъ хозяинъ. Это наша дѣвушка, моя бывшая модель. Она живетъ у меня съ пятилѣтняго возраста. Теперь она не годится въ модели, ей уже шестнадцать лѣтъ. А была очень красива!

была! А теперь шестнадцать лѣтъ! Намъ захотѣлось посмотрѣть эту отцвѣтшую богиню.

У хозяина оказалась жена, молоденькая и эксцентричная нѣмка. Она была сестрой не безъизвѣстнаго художника, который провелъ въ Таорминѣ двѣнадцать лѣтъ и женатъ на сициліанкѣ.

— Здѣсь такъ много художниковъ-иностранцевъ?

— О, цѣлыя поселенія! Нигдѣ нѣтъ ихъ столько, какъ въ Таорминѣ. Особенно нѣмцевъ. Мой братъ переѣхалъ теперь въ Дрезденъ, но онъ постоянно возвращается и даже привозитъ съ собою своихъ учениковъ.

Дѣло было покончено. Даже ворчливый нашъ пріятель, обольщенный красотою дома, согласился взять съ нами квартиру на мѣсяцъ. Ему понравились картины. Особенно этюдъ женской головки, писанной масляными красками, — въ его комнатѣ; это былъ этюдъ „розоваго“: платокъ, завязанный сзади, открывающій уши, — розовый, свѣжая щека — розовая, шея подъ нею — розовая; и блѣднѣющіе переходы розоваго цвѣта совсѣмъ различныхъ оттѣнковъ — были удивительно хороши.

— У меня четыре служанки, говорила хозяйка. Дѣвочки — почти члены семейства. Марія живетъ у моего мужа съ пятилѣтняго возраста, сестрѣ ея одиннадцать лѣтъ. Двѣ другія спятъ дома, за ними вечеромъ приходитъ мать. Одна изъ нихъ собственно позируетъ, но помогаетъ и по хозяйству.

Когда мы уже уходили и были на террасѣ, хозяйка звучно крикнула:

— Марія!

Сверху молодой голосъ отвѣтилъ обычное „vengo!“ и черезъ минуту по лѣстницѣ на террасу сбѣжала молодая, высокая дѣвушка въ голубомъ холстинковомъ платьицѣ и бѣломъ передникѣ. Она была тяжеловата, съ большими руками и ногами, слегка сутула и не очень граціозна, въ узкомъ платьѣ, затянутая въ корсетъ, но лицо мы тотчасъ-же узнали — лицо рисунка углемъ. Можетъ быть оно, дѣйствительно, потеряло дѣтскую тонкость и воздушность, но теперь оно было прекрасно своей опредѣленностью, законченностью совершенныхъ линій и безмятежной ясностью выраженія. Профиль былъ арабскій, очень типичный — такія лица встрѣчаются въ Таорминѣ — съ короткимъ носомъ, тупымъ и прямымъ, съ длинными, карими глазами. Лицо не очень смуглое, свѣжее, слегка розовое.

Л. Бакстъ. Рисунокъ.

Марія выслушала малопонятное приказаніе на сицилійскомъ языкѣ и скрылась. Когда мы уходили, у рѣшетки мелькнуло еще нѣсколько молодыхъ, полудѣтскихъ личекъ. Одно было тоже прекрасно: смуглое, почти коричневое, съ темнокрасными губами, свѣжее, какъ вечернее небо. Это—Панкрація, или Пранказія, какъ говорятъ въ Сициліи, — двѣнадцатилѣтняя модель нашего хозяина.

Ф. Малявинъ. Рисунокъ.

На другой день, несмотря на проливной дождь, не предвѣщавшій хорошаго, мы переѣхали и зажили по-новому.

Въ маленькихъ деревушкахъ около Таормины, бѣдныхъ и дикихъ до невѣроятія, гдѣ-нибудь въ горахъ, попадаются лица чудесной красоты еще сохранившагося арабскаго типа. Женщины, работающія вдвое болѣе и работу тяжелую, вянутъ невѣроятно быстро, но мужчины выравниваются довольно поздно. Часто восемнадцатилѣтній мальчикъ прекрасенъ, какъ дѣвушка, съ прозрачно-нѣжнымъ цвѣтомъ лица, гибкій и тонкій. Но рядомъ съ уцѣлѣвшей чистотой линій тѣла есть несомнѣнные признаки вырожденія. Стран-

ная дикость господствуетъ въ этихъ маленькихъ горныхъ селеніяхъ.

Духовной жизни нѣтъ и не можетъ быть, потому что у туземца полное отсутствіе ума, даже возможности развитія и соображенія. Они не глупы, но это та первоначальная — или послѣдняя — безмятежная тупость, которая даже можетъ быть красива, какъ все стихійное. Они не обрабатываютъ земли, ничѣмъ не пользуются, работаютъ только женщины; мужчины развѣ слегка ухажи-

І. Бразъ. Рисунокъ.

Л. Бакстъ. Рисунокъ.

ваютъ за оливами; ѣдятъ травы, фиги, маслины — почти никогда не разводятъ огня; спятъ на соломѣ, въ каменномъ домѣ безъ оконъ, гдѣ зимою бываетъ нерѣдко жестокая стужа. Есть много семей, въ которой половина членовъ — полные идіоты; женщины къ старости особенно часто впадаютъ въ кретинизмъ. У Маріи мать настоящая кретинка. Страшная старуха, безъ зубовъ, полулысая — хотя ей, вѣроятно, нѣтъ и пятидесяти — она почти не понимаетъ словъ и все смѣется, а если крикнуть, то пугается, какъ звѣрь, и осматривается, точно собираясь спрятаться. Въ Таормину она сходитъ рѣдко. У нея много дѣтей, изъ нихъ трое идіотовъ. Марія взята внизъ пяти лѣтъ, какъ и сестра ея, бастіана, которой теперь одиннадцать лѣтъ; дѣвочка, къ удивленію, — смышленная и живая, похожая на Марію, но не такая хорошенькая. Марія была маленькимъ, худенькимъ звѣркомъ, дикимъ, почти ничего не говорила, и понимала и оживлялась только, когда слышала волшебное слово — mangiare. Ей дали вволю макаронъ и мяса; она радостно смѣялась, ѣла съ жадностью, почти пугающею, и хлопала себя по животу. У тамошнихъ ребятишекъ онъ непомѣрно великъ отъ травъ, которыми они питаются. Тихая радость, внезапно бле-

стящіе глаза, оживленіе — до сихъ поръ являются на лицѣ Маріи, когда она слышитъ про ѣду. Во время послѣдняго карнавала, когда Signora одѣла ses petites filles въ костюмы и повела ихъ танцоватъ тарантеллу въ другой домъ, тоже къ иностранцамъ, куда были приглашены также многіе giovanotti изъ Таормины, Марія была замѣчена молодымъ каменьщикомъ, который съ нею танцовалъ и на другой день сдѣлалъ предложеніе — alla Signora, конечно, а не самой Маріи. Дѣвочки не могутъ пройти однѣ даже до Таормины и имъ негдѣ видѣться съ кавалерами, которые въ домъ не допущены. „La Signora" подумала, рѣшила, что женихъ подходящій, но что Маріи замужъ рано, и назначила свадьбу черезъ два года. Марія пока сошьетъ себѣ приданое, видѣться-же съ женихомъ ей за это время совсѣмъ не нужно. Женихъ тоже подумалъ, увидалъ, что рѣшеніе крѣпко, и разсудилъ на эти два года съѣздить въ Америку, попытать счастья. Такія поѣздки здѣсь въ большомъ обычаѣ. У Джіованины, сестры Пранказіи (полненькой, очень бѣленькой и миленькой блондинки) тоже есть женихъ и тоже въ Америкѣ. Женихъ Маріи пришелъ проститься, — въ присутствіи синьоровъ, конечно, а на другое утро, рано, Маріи было позволено взглянуть съ нижней террасы на уходящій въ Мессину поѣздъ, который былъ видѣнъ, на разстояніи полукилометра, цѣлый кусокъ, отъ туннеля до туннеля, и казался сверху не больше гусеницы. Маріи было позволено, однако, махать бѣлымъ платкомъ и она даже получила отвѣтные знаки. Въ этотъ день добросердечная синьора велѣла сдѣлать для дѣвочекъ лишнее блюдо макаронъ, призвала Марію, бесѣдовала съ нею о приданомъ, о томъ, что пройдутъ два года, женихъ вернется изъ Америки, и Марія будетъ счастлива всю жизнь. Марія, розовая, свѣжая, не улыбаясь и не плача, слушала и смотрѣла на синьору своими длинными, карими, бездумными глазами. Потомъ дѣвочки пошли ѣсть. больше ничего не было. Марія прилежно шила приданое, складывая его аккуратно въ сундукъ, который стоялъ въ ея опрятной, свѣтленькой комнатѣ.

Врядъ-ли Марія когда-нибудь думала; мысли у нея — близкія и отдѣльныя, точно у маленькихъ дѣтей, — и всѣ на поверхности. А тамъ, въ темной глубинѣ, тихій и безмятежный сонъ, силы, не доходящія до сознанія, неподвижныя, молчаливыя, какъ у яблони или яркихъ маковъ въ травѣ.

Марія живетъ, не подозрѣвая, что она красива, не связывая себя съ окружающимъ или, вѣрнѣе, не отдѣляя себя отъ него; улыбается, когда ей предстоитъ удовольствіе ввидѣ вкуснаго блюда или рѣдкой прогулки въ Таормину на „processione", плачетъ, когда ей даютъ пощечины, дѣлаетъ аккуратно и проворно свое дѣло, боясь смутно тѣхъ-же пощечинъ, никого особенно не любитъ, но никого и не ненавидитъ, — она очень добра. Въ ея обязанности, между прочимъ, входитъ рѣзать для обѣда домашнихъ куръ и пѣтуховъ, и она это дѣлаетъ совершенно равнодушно, и ни разу ей не пришло въ голову смутиться, или сдѣлать невѣрный надрѣзъ, или вообще подумать и пожалѣть пѣтуха. Съ подругами она въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Сициліанскія дѣвушки очень дружны, ссорятся рѣдко и всегда готовы поддержать одна другую. Можетъ быть это происходитъ и отъ врожденной апатіи, той неподвижной ясности, которой столько было въ прекрасной Маріи.

Погода испортилась съ того самаго дня, какъ мы переѣхали. Иногда съ утра принимался литъ дождь, сплошной, громкій, гулкій — и такъ и лилъ не переставая, не уменьшаясь, не измѣняя звука, до глубокой ночи, до слѣдующаго утра. Утренніе часы были еще лучшіе; умытая, льдистая, сверкающая Этна удостаивала показываться на полчаса, когда поднимались и таяли ночные туманы; на перилахъ, широкихъ и низкихъ,

Лит. И. Кладшина С.П.Б.

каменной террасы развертывали длинные, гнутые лепестки бѣлые ирисы, которыхъ былъ тутъ цѣлый лѣсъ. Внутри цвѣтка, гдѣ еще не высохла сырость и свѣжесть росы, пахло легко и странно; у бѣлыхъ ирисовъ ароматъ замѣтнѣе, чѣмъ у лиловыхъ, хотя и у нихъ онъ особенный, полусуществующій и пыльный. За высокими стеблями, которые скрывали землю, тотчасъ же начиналось море, блѣдное въ утренній часъ.

Церковь въ селѣ Абрамцевѣ

Иногда мы сходили внизъ, въ большой садъ на склонѣ, безъ дорожекъ, съ высокой, до плечъ, травой, полной пестрыхъ, дикихъ цвѣтовъ, съ миндальными деревьями, которыя уже покрылись маленькими, темными листьями. Садъ кончался скалой и обрывомъ высоко надъ шоссе.

— Видите, говорила хозяйка, какъ теперь зелено и пышно. А въ маѣ посмотрите на Таормину: все желтое, точно опаленное... Ни травинки, на деревьяхъ ни листа...

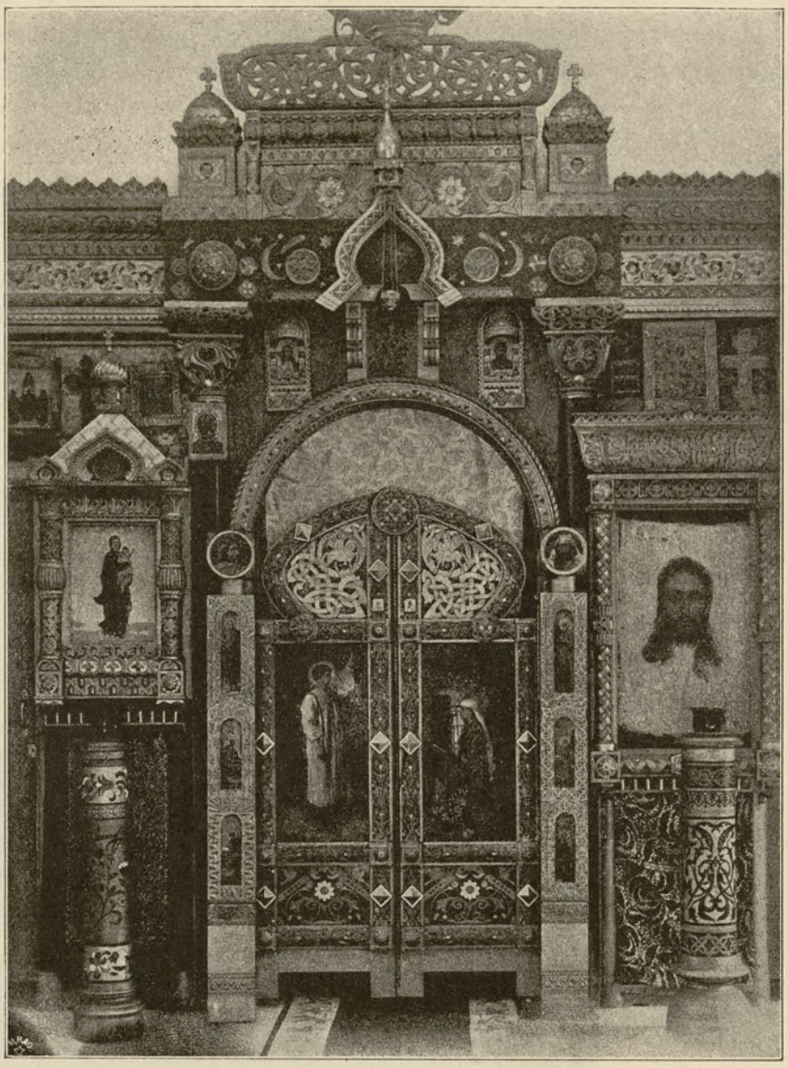
— Какъ, уже въ маѣ? И ни клочка зелени?

— Вотъ, кактусы остаются. Что имъ сдѣлается! Но уже въ концѣ мая нестерпимо жарко. Если сирокко дуетъ часто весной, то зеленъ пропадаетъ и раньше.

— Сирокко? Онъ былъ недавно. Съ недѣлю тому назадъ.

Хозяйка улыбнулась.

— Развѣ это вѣтеръ? Нѣтъ, вы еще не испытали настоящей сициліанской бури. Онѣ у насъ въ Таорминѣ особенно сильны, потому что мы высоко.



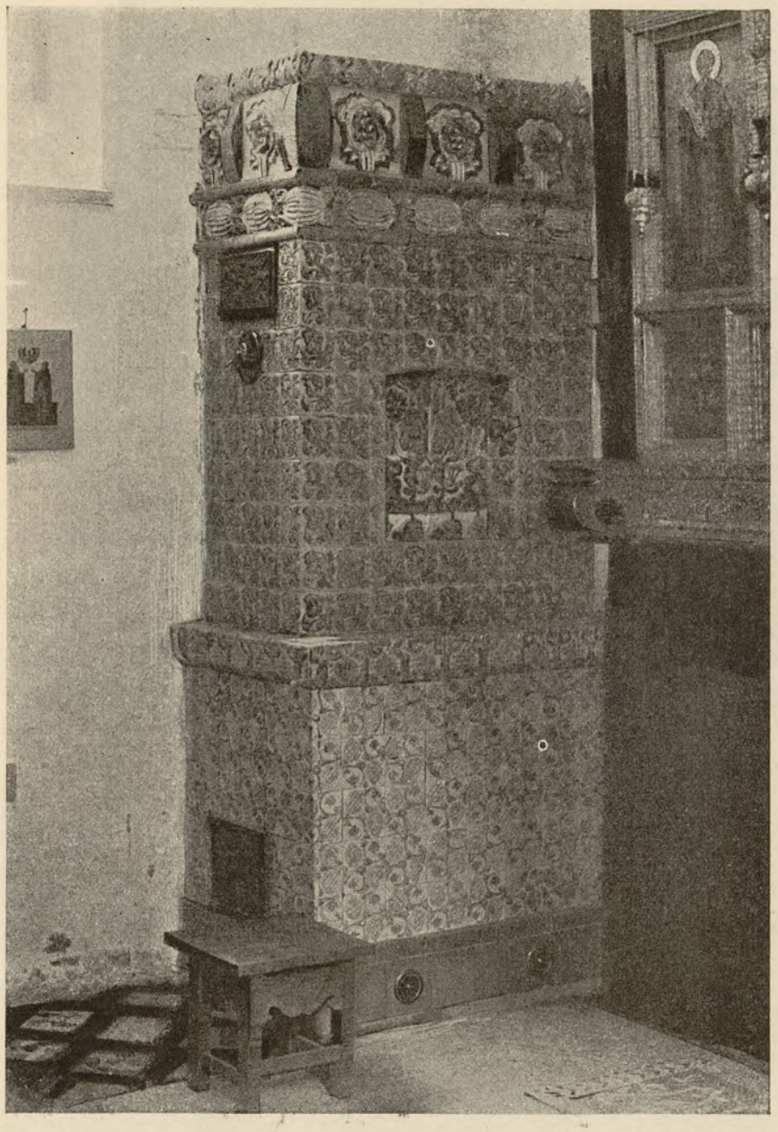
Иконостасъ въ Абрамцевской церкви.

Съ переѣздомъ на виллу мы простились съ нашими отельными знакомыми, съ юркимъ хозяиномъ и съ высокой столовой въ восточномъ вкусѣ. Мы очутились за столомъ въ Castello a mare, куда было отъ нашей виллы всего нѣсколько шаговъ по шоссе. Castello a mare не любимъ англичанами: въ немъ нѣтъ ни reading-room'a, ни залы для разговоровъ. Столъ съ газетами стоитъ тутъ-же, въ одномъ концѣ длинной, бѣлой и скучной столовой. За обѣдомъ царствовало уныніе и тяжелое молчаніе. Больной, чахоточный нѣмецъ, довольно молодой, лихорадочно и молча выбиралъ потемнѣвшими руками кости изъ рыбы. Добрая, угнетенная англичанка съ подвязанными розовой косынкой ушами отъ невралгіи, ѣла отдѣльный супъ изъ маленькой мисочки. Блестѣла желтая лысина какого-то шотландца. Нашъ капризный спутникъ былъ доволенъ: молчаніе онъ любилъ, а здѣсь еще каждое кушанье обносили два раза.

Когда кончился обѣдъ, мы спѣшили выйти черезъ одну изъ многочисленныхъ дверей нашей тюрьмы въ теплый, непроницаемый, какъ черный бархатъ, воздухъ. Кругомъ было такъ густо-темно, что мы съ трудомъ находили дорогу. Вверху, не давая свѣта, медленно мерцали большія, неизвѣстныя звѣзды.

Однажды, когда мы вышли на дорогу, намъ показалось, что звѣзды мерцаютъ особенно сильно, переливаются и гаснутъ точно задуваемыя вѣтромъ. По сициліанской примѣтѣ, звѣзды дрожатъ передъ бурей. Вѣтеръ подувалъ, но не сильный. Море еще мол-

Изразцовая печь въ Абрамцевской церкви.



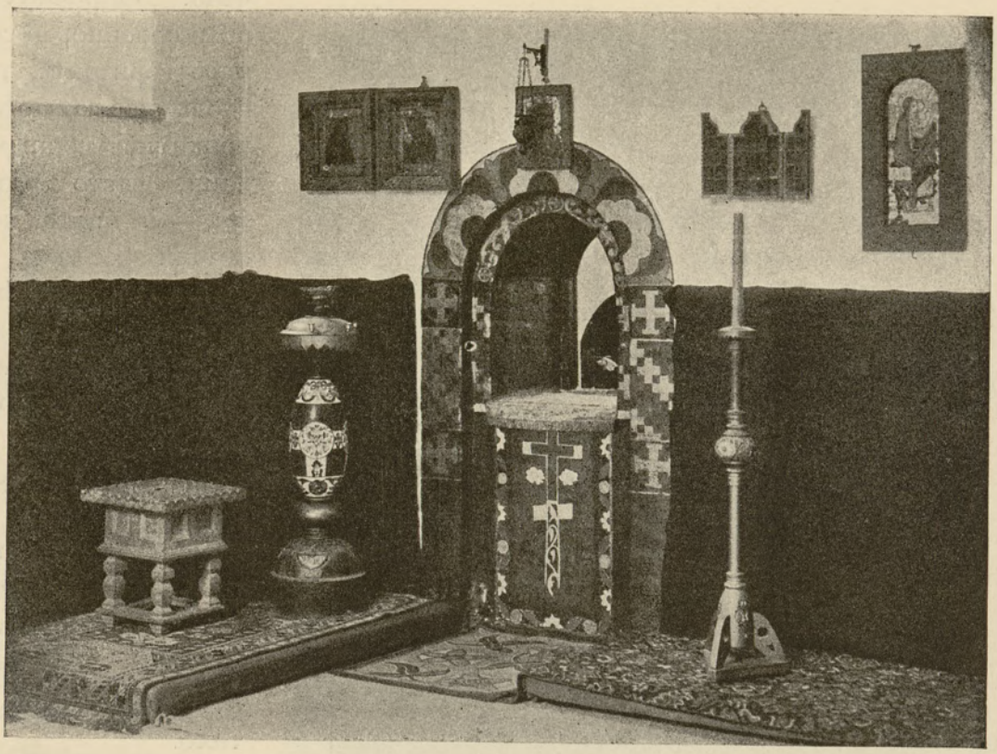
чало. Опрокинутый, по обыкновенію, мѣсяцъ, у самаго горизонта, то и дѣло скрывался за набѣгающими тонкими, черными облаками, часто разорванными, — и опять, когда пролетали облака, свѣтилъ своимъ неяркимъ, зеленоватымъ и неласковымъ свѣтомъ, собираясь закатиться.

Когда мы пришли домой и запирали двери на террасу, мнѣ почудилось на мгновенье, что кто-то рявкнулъ за дверью, и ставня на окнѣ рванулась съ короткимъ звукомъ.

Мы удивились и прислушались. Но все было тихо.

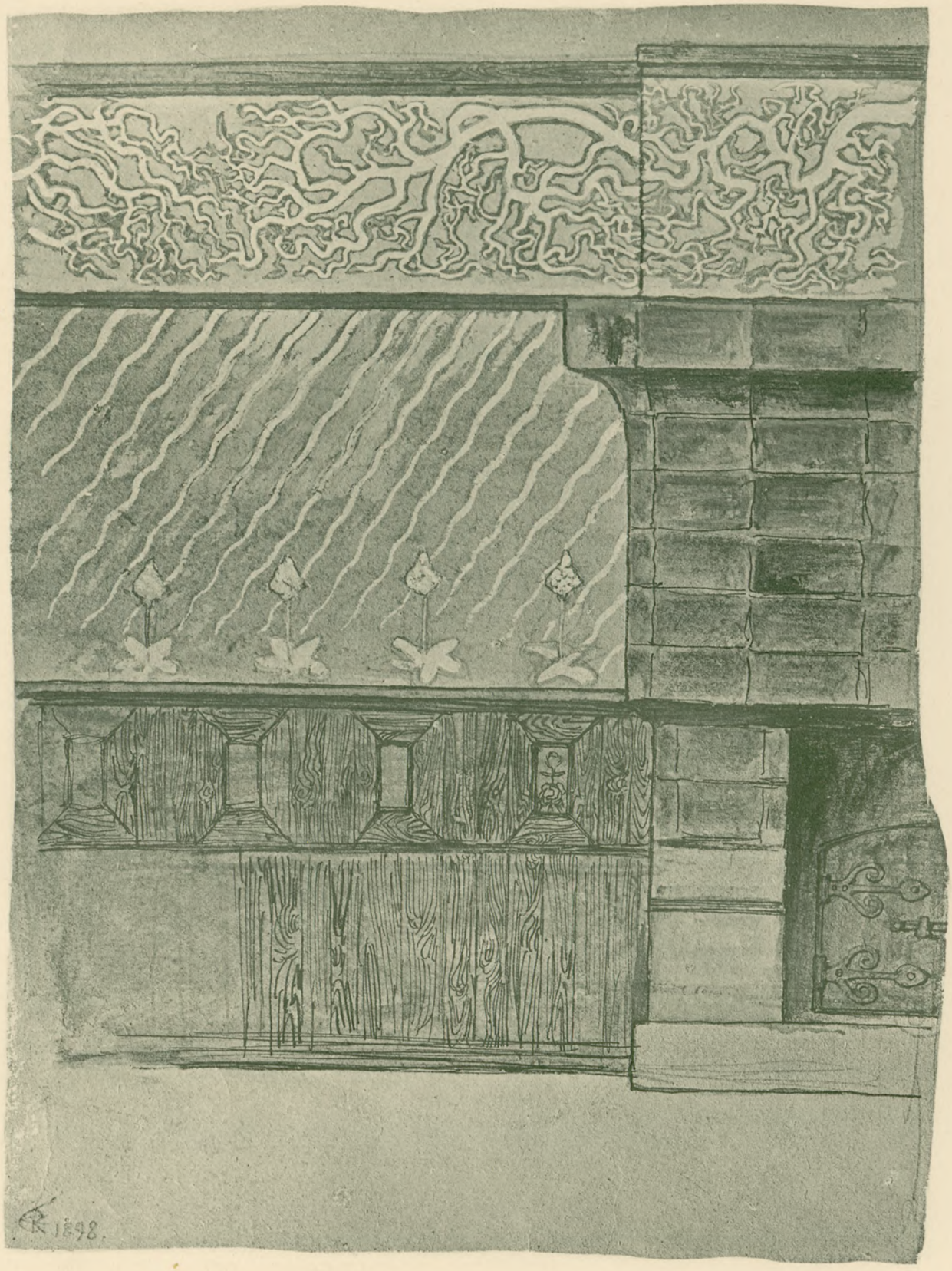
Впродолженіи вечера чувствовалось однако невольное стѣсненіе, тяжесть и ожиданіе, какъ передъ грозой. Часовъ въ десять начался далекій, густой, еще тихій гулъ. Это море просыпалось. Мы легли. Не знаю, сколько времени прошло и очень-ли было поздно, но помню, какъ прервался мой сонъ звуками, равныхъ которымъ мнѣ никогда не приходилось слышать. Въ темнотѣ, полной этими стонами и визгомъ, оставаться казалось немыслимымъ. И когда тусклая свѣча озарила комнату, мнѣ показалось, что стѣны шатаются, что я мчусь вмѣстѣ съ комнатой и съ домомъ такъ быстро, какъ нельзя мчаться на землѣ, и что потому сейчасъ надо умирать. Стѣны домовъ здѣсь строятся двойныя, съ пустымъ пространствомъ между ними, отъ вѣтра. Не знаю, насколько это помогаетъ, но за стѣнами ли я или въ стѣнахъ, дома или на улицѣ, и что все это такое — въ ту минуту рѣшить казалось невозможнымъ. Ревъ былъ такъ силенъ, что разбивалъ мысли и представленія. Гикало, выло, и хохотало тамъ, во тьмѣ, такое страшное, такое нездѣшнее, что не смерти, не опасности боялся, а того, что *слышишь* эти голоса другого міра, которые не добро слышатъ. Къ воплямъ разъяреннаго воздуха примыкалъ еще низкій, густой, все поднимающійся стонъ моря. Мелкіе камни осыпали стекло окна, которое выходило на скалу, стучали громко и раскатисто. Голосъ моря выросталъ и теперь походилъ на пушечные

Деталь церкви села Абрамцева.



выстрѣлы, не очень далекіе. Мнѣ казалось прежде, когда на родинѣ бывала гроза и ударъ грома на одно мгновенье заставлялъ вздрагивать домъ до основанія, — что хорошо, что этотъ звукъ такъ кратокъ: его не вынесли бы люди, еслибъ онъ длился. Но это было невѣрно: часами длится здѣсь непонятный грохотъ, да еще не чистый звукъ, а воплъ хора, скрежетъ, и перерванные крики, то короткіе, то длинные, какъ смертная мука. Зарыться головой въ подушки было нельзя; шумъ не уменьшался, только охватывалъ необъяснимый ужасъ неизвѣстности. Приходилось лежать съ открытыми глазами, при жалоб-

В Васнецовъ. Рисунокъ часовни.



А. ГАЛЛЕНЪ
ДЕКОРАТИВНЫЙ
ПРОЭКТЪ

Клиросъ Абрамцевской церкви.

номъ свѣтѣ свѣчи, и ждать. буря едва входила въ силу.

Такое состояніе бываетъ во время тяжкой болѣзни, когда жаръ въ крови заволакиваетъ сознаніе горячимъ дымомъ, когда кажется, что бѣжишь, мчишься на встрѣчу или вмѣстѣ съ этимъ обжигающимъ вихремъ, падаешь, встаешь, опять бѣжишь, потому что надо, — а что-то стучитъ около тебя невозможно громко и торопливо, и не знаешь, что стучитъ сердце — и только во всемъ этомъ глубокая мука.

Такъ было и здѣсь: грохотъ, свистъ и дрожь увлекали впередъ съ неизъяснимой быстротой; но вмѣстѣ съ ощущеніемъ полета — было сознаніе неподвижности и безсилія, — и въ этомъ опять заключалась глубокая мука.

Казалось, что не разсвѣтетъ, — но разсвѣло, и даже все было на своихъ мѣстахъ, дома и деревья, только утро встало дикое, мутно-сѣрое, а море внизу точно вспухло, изсиня-черное, страш-

В. Васнецовъ. Проэктъ Абрамцевской церкви.

ное, какъ туча. Привычная Марія пришла утромъ еще розовѣе, чѣмъ всегда. Только гладко зачесанные волосы вѣтеръ растрепалъ и они стояли теперь вокругъ ея прекраснаго лица легкими, темноблестящими кольцами.

Вакхъ и его геній. Античная бронза.

День минулъ, какъ ночь,—въ кошмарѣ. Разговаривать другъ съ другомъ было нельзя, потому что, даже усиливая голосъ до крика, трудно было заставить понять себя, разслышать слова. Мы пошли обѣдать. Или буря ослабѣла, или мы привыкли къ вою, но намъ дорога не показалась невозможной. Не переставая хлесталъ дождь, прибавляя свои мокрые, скользкіе звуки къ воплямъ воздуха.

Въ Castello a mare вой былъ жиже, тоньше и пронзительнѣе. Наши призраки—обитатели отеля — казались еще страшнѣе, потому что уже совершенно были беззвучны и безсловесны. Англичанка съ невралгіей пала духомъ и какъ можно ýже раскрывала ротъ: ей было больно. Съ букета печальныхъ ирисовъ съ полупрозрачными бѣлыми лепестками упала улитка и равнодушно поползла по столу. Англичанка покосилась на нее, хотѣла что-то сказать, но подумала о вѣтрѣ и о своей боли и ничего не сказала. Мой пріятель жевалъ голубя. А кругомъ дома съ торжествомъ облеталъ вѣтеръ, стуча въ двери, заливаясь тонкимъ визгомъ, бросая въ стекла сплошныя струи воды и мелкаго камня.

Химера. Античная бронза.

Невольно думалось теперь о колоннахъ стараго театра. Вѣка пролетѣли, кровь пролилась, исчезла радость, все великое отошло и родилось маленькое, — а вѣтеръ совсѣмъ такъ-же, не понимая перемѣнъ, точно слѣпой или мертвый, плачетъ и ликуетъ. Можетъ быть, не такъ-же? Можетъ быть, природа растетъ и умаляется съ нами, отъ ширины и проникновенности взора, и мы, покоряясь ей, покоряемъ ее... Пусть древнее великое преврати-

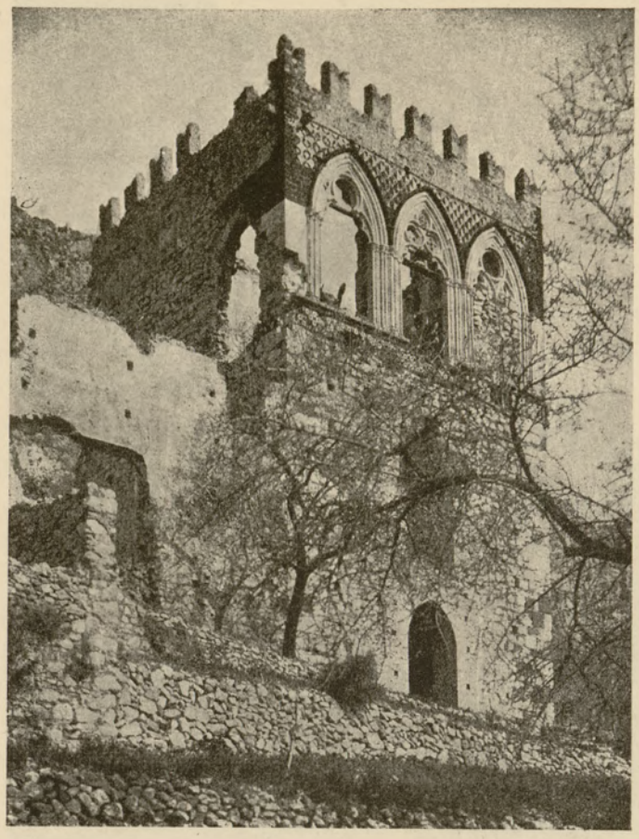
лось въ малое, но разрушится и малое, и вырастетъ изъ него новое, неизвѣстное, — и силы послѣдняго величія, быть можетъ, только спятъ... Объ этомъ говоритъ мнѣ вѣтеръ громовыми голосами, вѣтеръ — и то, что я его слышу и понимаю...

Съ величайшимъ трудомъ вернулись мы домой. Темный, мокрый и злобный хаосъ, съ которымъ пришлось бороться, утомилъ насъ и привелъ въ безнадежную грусть. Мы обрадовались было, увидавъ теплый огонь лампы въ столовой — но столовая, тихая и уютная, — сдѣлалась тоже необитаемой: грохотало, стучало и дуло. Буря не уменьшалась. Въ комнаты, выходившія на море, откуда и мчался сирокко, — страшнымъ казалось отворить двери. Мы сѣли около пустыннаго стола, подъ лампой, которая вздрагивала, и грустно молчали. Говорить было нельзя, стоны вѣтра пресѣкали всѣ другіе звуки. Никогда югъ не казался намъ такимъ безконечно чужимъ, не роднымъ, болѣе суровымъ, чѣмъ нѣжный и робкій сѣверъ. Южная природа постоянна и ласкова, какъ разумная и очень добрая женщина; солнце грѣетъ ровно и щедро,

Античный театръ въ Таорминѣ (Сицилія).

Античный театръ въ Таорминѣ (Сицилія).

Часовня въ Таорминѣ (Сицилія).



небеса ясны и глубоки, зима привѣтлива, осторожна и совсѣмъ похожа на лѣто; она даже уступаетъ лѣту быстро, безъ борьбы, безъ того нерѣшительнаго и неуловимо-прекраснаго перехода, который дѣти сѣвера называютъ весной; но порою эта ласковая и сильная природа утомляется своимъ постоянствомъ и добротой; и ея безумные припадки, безмѣрные, разрушительные порывы пугаютъ и отталкиваютъ, она — врагъ, она несетъ смертъ и ужасъ. Пусть наши цвѣты блѣднѣе, наши небеса прозрачнѣе, облака ниже, весенній свѣтъ непостояннѣе, измѣнчивѣе: есть кротость и въ слезахъ, и въ улыбкѣ сѣвера, есть тишина въ его неожиданностяхъ и его измѣнѣ.

Сила вѣтра не уменьшалась. Но въ эту вторую ночь усталость побѣдила и сонъ слетѣлъ на меня незамѣтно, подъ шумы и вопли. Передъ утромъ что-то словно толкнуло меня. было темно и... было тихо. Только кровь, шелестя, стучала въ виски. безмолвіе казалось страннымъ, невозможнымъ... Но оно было. Море еще гудѣло, но успокаивающе, какъ звонъ далекихъ колоколовъ. Глаза невольно закрылись и сонъ, крѣпкій, темный, похожій на смертъ, пришелъ ко мнѣ.

З. Гилліусъ.

(Окончаніе будетъ).

Окно эпохи возрожденія (Таормина Сицилія).